

СОЛНЦЕ — КОЛОСАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ И ТЕХНИКА ГЕЛИОТЕХНИКЕ

Неустойчивой энергии. Но человек пользуется им удивительно мало, хотя и ощущает его всю жизнь.

Инженер Яков Тиграунович Шермазан рассказывает о гелиотехнике — той горячей заинтересованности, которая свойственна людям, крепко любящим свое дело и до конца верящим в него. Он говорит о таких простейших приспособлениях, как солнечная печь, установка для сушки фруктов, для опреснения морской воды. От простейших примеров он идет к более сложным: как можно с помощью солнечных холодильных машин летом охладить здания, а зимой аккумулировать солнечной энергии отоплять их. Говорит о высоко-температурных печах и, наконец, о преобразовании солнечной энергии непосредственно в электрическую.

Мы сидели в маленькой комнате, окружающей множеством схем и фотографий, моделями приборов, аппаратурой, инструментами и полками с книгами. Но рассказ инженера настолько захватил меня, что, казалось, раздвинулись стены этой комнаты, и я представил себе простейшие и эффективные кухни в домах колхозников Араратской долины, солнечные установки на колхозных фермах, в парниках, на консервных заводах и телелки с зеркальными отражателями, автоматически вращающиеся вокруг парового котла солнечной теплоэлектростанции.

Гелиотехники подсчитали, что если удовлетворить хотя бы половину потребности населения нашего юга в горячей воде при помощи солнечных установок, то будет сэкономлено ежегодно около полтора миллиона тонн угля, или до миллиона тонн нефти.

Естественно возникает вопрос: не пора ли достижения гелиотехники внедрять в жизнь?

Читатели «Литературной газеты», возможно, помнят опубликованную три года назад статью о проекте солнечной теплосиловой станции, разработанной гелиотехнической лабораторией Энергетического института Академии наук СССР и Армипромпоектом. Статья была иллюстрирована. На фоне горного хребта — необычный рисунок: гелиотел на высокой башне, а вокруг — более двадцати концентрически расположенных рельсовых путей. По ним с запада на восток должны были двигаться телелки с зеркальными отражателями с такой скоростью и под таким изменяемым углом, чтобы отраженные лучи солнца постоянно падали на поверхность котла.

Эта первая в мире теплосиловая солнечная станция мощностью 1 200 киловатт была бы не только неосомненно полезной с точки зрения опытно-экспериментальной, но и практически целесообразной и рентабельной. На базе солнечной станции намечалось организовать довольно крупное парниково-тепличное хозяйство и консервно-сушильное производство, которые вдоволь снабжались бы электрической энергией, отработанным паром и горячей водой. По подсчетам республиканского проектного института, себестоимость каждой тонны пара, выработанного на СТС, была бы примерно на 20 рублей ниже, чем на Ереванском или Октябрьском консервных заводах.

Но вблизи озера Айгегриль, где намечалось строительство СТС, солнце по-прежнему бесплодно льет свое обильное тепло на солончаковые земли... Не решена судьба и центральная экспериментальная база по гелиотехнике, строительство которой также намечалось вблизи озера Айгегриль.

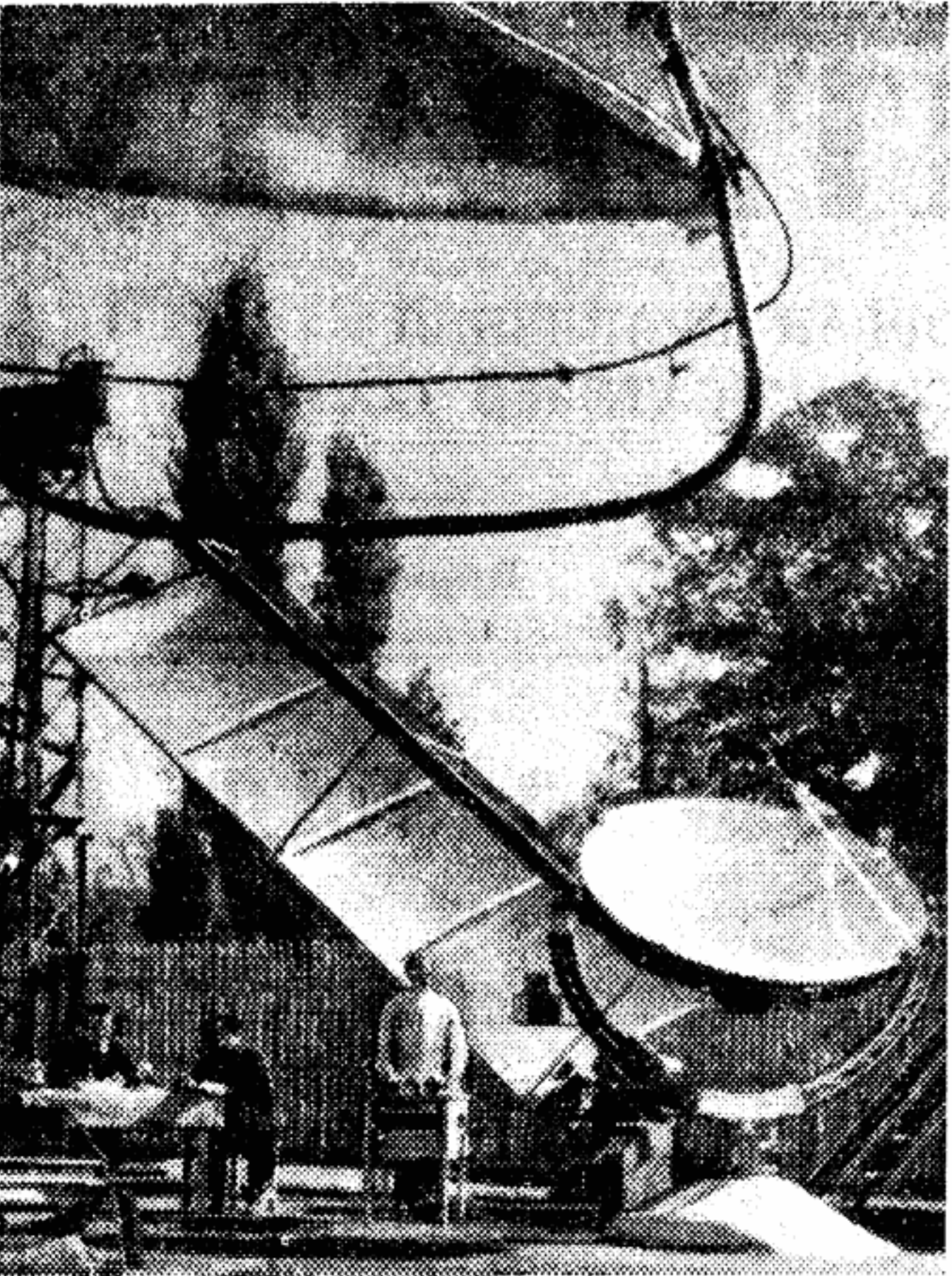
Прошло уже более двух лет, как разработаны проектные задания и СТС, и экспериментальной базы. Но чтобы строить, нужно утверждение президентом Академии наук СССР, нужны средства. В чем же дело? Может быть, новые научные данные заставляют отказаться от строительства солнечных тепловых станций? Или развитие полупроводниковой техники по-новому поставило проблему использования солнечной энергии? Что скажут об этом в Академии наук СССР?

Гелиотехники считают, что решить проблему строительства солнечной теплосиловой станции и центральной экспериментальной базы по гелиотехнике — значит шире открыть окно в мир гигантских и неисчерпаемых энергетических источников будущего, в мир солнца.

Я сказал «гелиотехники» и тут же подумал: как их мало еще! Это одиночки-энтузиасты: К. Вермишев — кандидат экономических наук, страстный поборник и один из зачинателей развития гелиотехники в Армении. Я. Шермазан — инженер-электрик по специальности, лишь последние шесть месяцев

окунувшийся в новую отрасль науки и теперь возглавляющий сектор перспективной энергетики и гидравлики Академии наук Армянской ССР. Молодые сотрудники этого сектора — Г. Алаян, Г. Чернякова, Г. Налчаджян. И так не только в Армении. Мало гелиотехников и в Грузии, и в Азербайджане, и в республиках Средней Азии, да и в Москве. Не пора ли подумать об организованной подготовке специалистов — гелиотехников непосредственно в технических вузах? Не кажется ли, что гелиотехника — наука об использовании солнечной энергии — должна занять достойное место под солнцем?

К. СЕРЕБРЯКОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»
ЕРЕВАН

Ташкентская экспериментальная база лабораторий энергии солнца и ветра Энергетического института Академии наук СССР.

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

ВЕЛИКИЙ русский ученый К. А. Тимирязев говорил, что каждый неуловимый луч Солнца есть «богатство, потерянное навсегда» и за расстратку которого более просвещенный человек когда-нибудь осудит своего невежественного предка.

К нашему огорчению и стыду, мы должны признать, что эти слова Тимирязева, сказанные много лет тому назад, полностью относятся к нашему положению. Располагая огромными возможностями, о которых только мог мечтать великий русский ученый, мы до настоящего времени не нашли ни сил, ни материальных средств, ни организационных форм использования даровых, весьма обильной в наших южных широтах неискаемой энергии Солнца. Решение вопросов теплотехники и в нас недопустимо затянулось.

Особенно неоправданно такое отставание в гелиотехнике в СССР, потому что рациональное использование энергии солнечных лучей могло бы превратить пустыни в цветущие сады, подать воду для орошения туда, где она больше всего нужна и где ее катастрофически не хватает. Могли бы быть созданы распределительные источники и сети электропитания там, где без этого долгие годы или никогда электрической энергии не будет.

В последние годы область применения гелиоустановок значительно расширилась. Оказалось, что энергию Солнца можно использовать и для технологических целей (получение высоких температур в фокусе отражателя-концентратора), и для сельскохозяйственных нужд (выращивание хлореллы), и для лечебных целей (солнечные лечебные рефлекторы).

Свыше пятидесяти миллионов человек, то есть четверть населения Советского Союза, могло бы использовать солнечную энергию в том или ином виде. Гелиоустановки способны дать миллиардную экономию средств и выработать миллионы киловатт электрической энергии, не требуя топлива и почти не требуя обслуживания.

В свое время было приложено много усилий для создания гелиоустановок. Лаборатория гелиоэнергетики Энергетического института Академии наук СССР выросла, окрепла и завоевала авторитет не только в Советском Союзе, но и за границей. Советские ученые успешно выступили на нескольких международных конференциях. За рубежом стали привыкать к тому, что в области гелиоэнергетики в нашей стране ведутся большие и серьезные работы.

Однако эти времена, к сожалению, кончились. Вот уже на протяжении нескольких лет советская гелиотехника топчется на месте. Мы терпим с трудом завоеванные в научном мире позиции. В Соединенных Штатах Америки, Франции, Японии и даже в Греции работы ведутся широким фронтом. Нас догоняют и начинают обгонять Индия, страна, которой мы оказываем большую техническую помощь.

Потому необходимо серьезно задуматься над тем, каким образом навести упущенное время и так организовать работу, чтобы огромные возможности использования солнечной энергии в южных районах СССР были в кратчайшие сроки и наиболее целесообразно реализованы.

До сих пор не изысканы средства для финансирования работ по созданию солнечной тепловой электростанции мощностью в 1 200 киловатт в Араратской долине. До сих пор в Отделении технических наук дискутируется вопрос о роли Академии наук и Энергетического института в этом деле.

О значении использования энергии солнечных лучей для нужд народного хозяйства за последние годы много сказано и много написано нашими крупнейшими учеными. Постановления правительства СССР и соответственно постановления правительств союзных республик обязывают уделить этому вопросу особое внимание. Тем не менее президенту Академии наук СССР не нашлось пока (за много лет!) времени для изучения этой проблемы и для выработки действенного решения.

Сейчас области гелиотехники у нас работают лишь несколько небольших коллективов. Этим организациям нужно оказать серьезную поддержку. В частности, надо помочь Энергетическому институту Академии наук шире развить работы над малогабаритными гелиоустановками. Нужно, и чтоб уже разработанные устройства внедрялись в жизнь.

Особенное значение для нашей страны имеют мощные гелиоустановки, преимущественно стационарного типа, для выработки тепла, холода и электроэнергии. Одним из возможных решений является, в частности, проект солнечной электростанции в Араратской долине. Такие установки в южных районах, безусловно, могут исключить энергетический голод и дать значительную экономию в топливном и транспортных средствах. Вероятно, со временем установки такой мощности (от десятков до сотен и тысяч киловатт) смогут работать на обычном электричестве (после преобразования первичного напряжения) и этим частично компенсировать неравномерность или даже прерывчатый характер вырабатываемой энергии, свойственный всем гелиоустановкам.

Переход от индивидуальных кляпильных, испарительных к более мощным узловым устройствам с различными функциями следует приветствовать. Любопытно отметить, кстати, что даже первая экспериментальная установка, разработанная Энергетическим институтом для Армении, экономически целесообразна.

Мне кажется, что Отделению технических наук академии следует энергично поддерживать все работы в области гелиотехники и, в частности, проект электростанции в Армении. Очевидно, что лаборатория в Араратской долине должна стать на первых порах филиалом гелиолаборатории Энергетического института Академии наук СССР. Позже, когда вырастят кадры, вероятно, этот филиал станет самостоятельным подразделением Академии наук Армянской ССР. А пока что Академия наук СССР и ее Отделение технических наук должны рассматривать этот филиал как свое детище и способствовать его укреплению и развитию.

Для общего руководства и координации деятельности всех организаций, занимающихся в СССР проблемами использования энергии солнечных лучей, необходимо, на мой взгляд, создать специальную комиссию или научный совет. На этот совет нужно возложить ответственность за развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также за внедрение в серийное производство и эксплуатацию гелиоустановок.

Пора закончить с неосомненными сомнениями, скептицизмом и недоверием в гелиотехнике, основанным, вероятно, просто на неосведомленности.

А. И. БЕРГ,
академик

В О Саду ли, в ОГОРОДЕ...

Мы долго стояли, смотрели и недоуменно пожимали плечами. Сбиваясь нахлынулись перед нами два простых деревянных ящика. Один из них, ладно скошенный и крепко сбитый из тонких и гладких дощечек, был аккуратен и изыскан. Для описания второго ящика, пожалуй, лучше всего подойдет изысканная формулировка из словаря: «Вместилще для чего-нибудь». Сколоченное из веселых, шершавых, потемневших от времени и переживаний досок с угрожающе торчащими гвоздями и заусеницами, это «вместилще» было отвратительно.

Но еще разлетелось, чем форма ящиков отличалась их содержание. В первом — стройными рядами лежали помидоры. Открытые со всех сторон воздухом и взгляду, они были великолесны и до неправдоподобия одинаковы, как нарисованные: упругие, гладкие, красивые, аппетитные.

То, что находилось во «вместилще», можно было назвать помидорами только из сострадания. Здесь горе мыкали безбрежное полетежье, розовые недокоски и сплюснутые жертвы заколачивания ящика, и какие-то немощно-желтые создания, которым явно следовало бы покраснеть. Хотя бы за то, что довел их до жизни такой.

И тут, приглядев, мы увидели на лотке надписи: «Болгария». На «вместилще» опознавательные знаки стыдливо отсутствовали. Лишь накладная синим по белому удостоверяла, что оно — из Енагавского райпротребсоюза Астраханской области. В чем же дело?

...Перенесемся мысленно в благодатные фруктово-овощные края. Вот, скажем, Молдавия.

— Земля наша щедра и обильна, — ласково говорит здешние жители. — Воткин в нее палку, и та зацветет. И действительно. Овощи, ягоды, фрукты, виноград — это для молдаванина работа, искусство. Недаром в певучих молдавских долинах часто встречаются слова «фрунз верде», что означает «листья зеленые».

И вот перед нами молдавский сад. Здесь в изобилии растут фрукты. Они великолесны. Асли, если бы они такими попали в рот гражданина потребителя! Но, увы, терпим путь плоды от места его рождения до места назначения...

Знаете ли вы, что такое перевалка? Не знаете? Перевалка — это перемещение путем сваливания. Именно то, что в невыносимом количестве выпадает на долю ни в чем не повинных плодов. Вот как это происходит. На дереве, на кусте, на грядке растут плоды. Но вот наступает у них пора зрелости. И тут начинается. Их срывают, упаковывают и путем сваливания перемещают на автомашины. Потом их привозят на заготовительный пункт и путем сваливания перемещают на территорию пункта. Затем их путем сваливания перемещают на машины и свезут на станцию. Здесь путем сваливания их перемещают в пакгауз. Отсюда путем сваливания их перемещают в вагоны. Сваливая на место, их путем сваливания перемещают на базу. Затем путем сваливания их перемещают на автомашины и развозят по магазинам...

Итак, надемся, вы уже представляете, что такое перевалка, и как они сваливаются на самоустраивании перевалочных. Особенно, если учесть, что каждый час сокращает сроки быстрого плодовой жизни. Фрукты лежат на станциях, лежат на заготовительных пунктах, лежат на базе. Тот, кто лежит в ожидании тары, в ожидании накладных, в ожидании машины, в ожидании вагонов. А за время, что плоды мытарятся в пути, они, вероятно, будут у них ноги, успели бы добраться пешком. Из Молдавии до Москвы, например, поезд волочит их до десяти суток.

Теперь понятно, почему из трех тонн полученной с Украины клубники не было и тонны хорошего качества, из восьми тонн краснодарских абрикосов едва половина оказалась полноценной, а на прибывшие из Армении бывшие абрикосы просто болело было глядеть...

Люди, знающие толк во фруктах, утверждают:

— Чем больше рук к ним прикасаются, тем хуже.

Перефразируя известную поговорку, можно сказать: две руки хорошо, а одна лучше. Даже библейский змий-искуситель был уже знаком с этой инструкцией по качеству продукции. Соблазна Еву яблоком с древа познания добра и зла, он затеял, чтобы оно поало к потребительнице в наилучшем виде, и поэтому не стал срывать его, а предложил Еве самой осуществить эту заготовительную операцию.

К сожалению, давняя традиция упорно не соблюдается. К яблоку прикасается рука снимающего, сортирующего, калибрующего, упаковывающего... Правда, эта нестройная система там и сям нарушается: плоды стряхивают или, того чище, сбивают палкой. Но качество плодов от этого не выигрывает. Палка оказывается о двух концах...

Но вот фрукты приземлились, и их необходимо рассортировать, откалибровать и упаковать. О последствии плохих сортировок недвусмысленно говорится в молдавской поговорке: «Гнилое яблоко все здоровые портит». Кстати, это относится не только к яблокам и не только к Молдавии. Из прибывших, например, в Москву 74 тонн азербайджанских помидоров более 40 тонн оказались негодными. Стоило ли огород городить для таких результатов?

Во избежание потерь молдавские инженеры сконструировали механизированную плодолопачную фабрику, обладающую рядом завидных достоинств. О ней писали в газетах, ее демонстрировали в кино и даже на Всесоюзной выставке. А после этого, торжественно премьеров конструкторов и работников завода, Молдавский совхозок под шумок приветственных кликов снял машины с производства.

— Почему вы это сделали? — недоуможенно спросили мы тов. Шкорулева, главу главного отдела машиностроительной и электротехнической промышленности совхоза.

Потому что от Молдавии нет ни одного заказа.

— Но ведь имеется большой спрос из других республик: РСФСР, Азербайджан, Грузия. Одна Украина прислала заявки еще на 35 комплектов.

— Ну и что? — находчиво отпарировал тов. Шкорулев. — Не станем же мы делаться для других... Чо касается упаковки плодов, то, видимо, открытые ящики болгарского типа заготовителей не устраивают. Ведь в них видны, как на ладони, и качество плодов, и качество работы. К тому же такие ящики нельзя перемещать путем сваливания. Вот почему открытому ящику оказалась уготованной печальная судьба.

Серьва его долго обсуждали, критиковали, чуть ли не прорабатывали. Потому его нехоти стали изготовлять. На одном из заготовительных мы видели ящик № 38, изготовленные тираспольским деревообрабатывающим комбинатом. Их внутренняя поверхность мало чем отличалась от рапила. Мурашки пробежали по коже при мысли, что в ней доверчиво прильнут нежные виноградные гроздья...

Вот как, общими усилиями заготовителей и работников торговли, огромное количество человеческого труда, государственных денег и материальных ценностей вылетает в трубу. Можно ли с этим мириться? Конечно, нет. Надо что-то делать и решать этот вопрос комплексно, по-государственному. И, может быть, в первую очередь избавиться без вины виноватые плоды от посредничества ненаужных, порою вредных, дорогостоящих заготовительных инстанций, бесчисленных посредников...

И следует распространить превосходный почин молдавского колхоза имени Минчурина, который, отважно уверявшись от рук заготовителей, отправлял свою продукцию прямо к покупателям. Из первых рук в последние.

Тогда, можно надеяться, на наш с вами стол будут попадать хорошие, полноценные плоды, где бы они ни были выращены: в Азербайджане или в Молдавии, в совхозе или в колхозе, во саду ли, в огороде.

Я. ДЫМСКОЙ

И ЕСТЬ ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ МЫ РАСКАЖЕМ, ВОСВЕКАЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ЭЛОКЛЕИОН ИЗОБРЕТЕТЕЛЕЙ, О КОТОРЫХ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ЗАМЕЧАНИИ И ФЕЛЕТОНЫ. ЭТИ ВЫПУСКНЫЕ ПЕЧАТИ ОБЫЧНО СЛУЖАТ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ АККОРДОМ — ВОЛОКАТА С НОВАТОРСКИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПЕРЕНАЧАЕТСЯ, ЕМУ ДАЮТ ХОД, И ЦЕННАЯ МЫСЛЬ ОЩУЩАЕТСЯ.

БФ-6

На сей раз дело обстоит иначе. Никаких преград идея профессора Л. Школьникова не встретила, настолько очевидна была ее важность. В самом деле, подсчитано, что мелких травматизмов в среднем составляет около 85 процентов всего промышленного травматизма и часто является единственной причиной гнойных заболеваний кожи и подножной клетчатки. Вполне понятно поэтому, что борьба на производстве и в быту с мелким травматизмом, предупреждение вызываемых им осложнений — важная государственная задача.

И когда несколько лет назад заведующий клиником травматологии и ортопедии Института усовершенствования врачей в гор. Сталине (Кузбасс) профессор Л. Школьников выступил со своим предложением, оно, естественно, привлекло самое горячее внимание медицинской общественности.

Что же это за предложение? Некоторые наши химические предприятия выпускают технический пластмассовый клей БФ-6, световой состав специальной синтетической смолы. Предложенный Г. Петровым, А. Пешчоловым и М. Выгодским, он нашел широкое применение в ряде отраслей промышленности. Занимаясь в течение многих лет изысканием наиболее эффективных средств для лечения микротравм — мелких ран, ссадин, ожогов, трещин, профессор Л. Школьников пришел к вводу, что БФ-6 — именно тот препарат, который и нужен для данной цели. Научно-практическая проверка блестяще подтвердила этот вывод.

Наложный на рану клей быстро застывает, образуя прочную и эластичную пленку, которая удерживается даже при мытье водой с мылом в течение 2—4 дней — срок, обычно достаточный для полного заживления. Лишь в очень редких случаях возникает необходимость в повторном наложении клея. Применение БФ-6 не требует специальных знаний или навыков, им может пользоваться любой человек.

Несколько тысяч рабочих и служащих Кузнецкого металлургического комбината по достижению оценили новый метод. Благодаря ему, по данным медико-санитарной части Кузнецкого комбината, резко — почти полностью — уменьшилось количество дней нетрудоспособности у людей, пораженных гной-

ническими и гнойно-хирургическими заболеваниями. Гнойные отложения от мелких травм снижались по количеству дней нетрудоспособности — на 44 процента. Хорошие результаты были получены также на предприятиях угольной промышленности Кузбасса, на Горьковском автозаводе, на ряде предприятий и в лечебных учреждениях Новосибирска и Москвы.

В конце июня 1955 года, когда давно уже были совершенно ясны замечательные перспективы нового метода, Фармакологический комитет при Ученом совете Министерства здравоохранения СССР разрешил клей БФ-6 к широкому применению для обработки микротравм. Казалось бы, вопрос исчерпан. Руководители завода, изготовляющего БФ-6, заверяют, что могут производить его в любом количестве (в скобках заметим, что он обходится в пять раз дешевле воды).

— За чем же дело стало? — вправе спросит читатель. За малым. Именно за малым. За расфасовкой препарата в 20-граммовые флакончики, которую руководители отдела медикаментов Главнаба Министерства здравоохранения СССР давно обещали организовать.

...Звоним по телефону в крупнейшую столичную аптеку № 1, что на улице 25 Октября.

— Скажите, пожалуйста, есть у вас клей БФ-6?

Женский голос удивленно, даже обижено, ответил:

— Мы клеим не торгуем.

— Пожалуйста, но речь идет о лечебном кле... ..

— У нас его нет и не было.

Другая аптека — № 65 на улице Богдана Хмельницкого. Выслушав вопрос, сотрудница аптеки весело советует:

— Пойдите в «Детском мире», там, наверное, есть.

Терпеливо разъясняем, что нужен клей лечебный, которым торговать должны именно в аптеках, а не где-либо в другом месте. Голос собеседницы становится серьезным:

— Извините, но я впервые слышу название БФ-6.

С необходимыми вариациями этот диалог произошел с работниками ряда других московских аптек. Признаться, мы уже настроились на такой же разговор, когда зашли в учреждение, носящее короткое, изысканное название Союзхимфармторг Главнабства Министерства здравоохранения СССР. Но мы ошиблись. Да, знают, очень хорошо знают этот препарат, но когда, наконец, будет налажено его производство, сказать не решились. Может быть, на наш вопрос ответил Министерством здравоохранения СССР?

Я. ОСТРОВСКИЙ
СТАЛИНСК—МОСКВА

ПОГОВОРИМ О «ПРОЗЕ» ЖИЗНИ

НА ЛИСТКЕ для объявления я старательно вывел законченный текст: «Нужна домработница. Звонить после 7 вечера по телефону № ...». Отдал листок в окошко Мосгорсправки, а в нетерпении стала ждать звонка. На третий день в трубку задребезжал старческий голос:

— Доченька, это кто тут писал насчет работницы, ай вы?

— Да, я.

— А делать-то что у вас надо?

Я смутилась...

— Ну... в общем все... Квартиру убрать, обед приготовить, ну и за маленьким посмотреть, ему всего семь лет.

— Вот с ребенком-то у я могла бы в садике посидеть, а по дому мне уж тяжело, седьмой десяток пошел. Может, есть мамаша, ай еще кто, что сгодится, ну а заодно и квартиру прибраться. А уж я бы с ребенком, а?

...Через час снова раздался звонок. В трубку зазвучал молодой приятный голос:

— Пропишу обезпечите? А то я из Калужской области. Так что, если не можете, то и говорить не об чем.

К сожалению, не могу...

В трубку послышалось частое гудение. На другой день вечером все это повторилось с некоторыми вариациями. Раздосадованная всеми этими нелепыми разговорами, я уснула только после полуночи. И тут мое измученное воображение вознаградило меня: мне приснился волшебный сон...

...Местце с сынишкой мы спускаемся по лестнице. Я — на работу, он — в детский сад. По дороге заходим в до-муправление, и я протягиваю ключи управдоому, который встретил меня приветливой улыбкой. Перекнувшись со мной парой фраз, он всматривается в шкафчик, на гвоздик под номером 31 — это номер моей квартиры. Затем я отвожу Мишу в детский сад, который тут же, на территории двора. После этого я спокойно отправляюсь на работу.

Вечером, придя домой, я застаю чисто прибранную квартиру, все посуды вымыта и поставлена на место, она протерта. Мишка нехитрая одевалка и белишко выстирана и развешаны в ванной комнате... Мен остается только разогреть доставленный из столовой обед.

...К печальной действительности меня вернул резкий, пронзительный звонок. Даже не спросив, кто говорит, я буркнула в трубку, что домашняя работница уже не нужна.

Не нужно быть тонким психологом, чтобы истолковать этот сон... Да, слышел прямо, проблема домашней работницы стала в наше время острой, почти неразрешимой. Случайно ли это? Человек, идущий в личное услужение к другому человеку, — естественный спутник капиталистического строя с его разделением на богатых и бедных, на имущих и обездоленных. Там институт домашней прислуги — закономерное явление. Люди, гонимые нуждой или лишенные своего угла и крова, не сумевшие получить профессии, шли в личное услужение к «господам». Они были обречены угождать чьим-то личным вкусом, подчинять свою судьбу чьей-то личной воле, выполнять порой непосильный труд и при этом терпеть унижения.

Совсем другое дело у нас. Какая сила может заставить советского человека, да еще молодого, здорового, жизнеспособного, отказаться от работы в государственном учреждении, где он чувствует себя полноправным человеком и гражданином, и пойти в личное услужение даже к самым гуманным людям? В нашей стране, где нет безработицы, где из года в год растет благосостояние, где каждый может выбрать себе профессию по влечению сердца, — все способствует отмиранию профессии «личной прислуги». Мировоззрение гражданина социалистического общества подсказывает каждому работать на благо общества, а не отдельного человека.

Надо ли удивляться, что профессия домашней работницы исчезает у нас? На этой работе еще можно встретить престарелую женщину, в значительной степени утратившую трудоспособность; либо особу, лишенную общественного института и ищущую легкого заработка; наконец, есть и такие, что стремятся любой ценой сменить жизнь в деревне или в провинции на жизнь в большом городе. Но таких — единицы. «Личная прислуга» как категория труда исчезла с нашей земли. И жалеть об этом, разумеется, не приходится. Это говорит лишь о том, что наше общество развивается на здоровой социальной основе.

Итак, профессия домашней работницы у нас больше не существует. Но существование труда, и проблема эта тоже с каждым днем становится острее.

Ни для кого не секрет, что бытовые работы потягивают много времени и ложатся почти целиком на плечи женщин, а число работающих женщин у нас беспрерывно растет и, несомненно, в дальнейшем будет возрастать еще быстрее. Поэтому вопрос о том, как наладить наш быт, как создать условия, при которых женщина была бы реально свободной от ярем домашнего быта, — это вопрос огромной общественной важности. И решать его надо с таким же размахом и так же серьезно, как решила наша страна ряд других общественных вопросов.

Нельзя сказать, что у нас в этом отношении мало сделано. Детские сады, ясли, развешивающая сеть общественного питания, большая сеть прачечных, различные бытовые комбинации — все это призвано разгрузить и действительно разгружает нас от многих бытовых забот. Но есть участки быта, отнимающие у женщины уйм времени, без которых нормальное существование просто немислимо, а вместе с тем мы о них еще не подумали.

Речь идет о повседневной уборке нашего жилища, о мытье посуды, о закуске продуктов и тому подобный бытовых делах, но совершенно неизменных вещах. Ведь тысячи и миллионы женщин вынуждены делать эту работу либо рано утром, либо в вечерние часы, после рабочего дня. Но утром и вечером надо покормить семью, а если есть маленькие дети, надо для них отдельно приготовить еду, надо постирать самое необходимое. Наконец, женщина имеет законное право на отдых, на развлечения, на общение с друзьями. И заниматься уборкой помещения или закупкой продуктов она может лишь за счет ущемления своих законных интересов. Как быть? Как выйти из этих повседневных затруднений? Неужели проблема разрешима только с помощью домашней работницы?

Думается, что вопрос этот можно решить иначе. Почему бы, в самом деле, не организовать группы уборщиц при домуправлении? Ведь, приходя на работу, мы застаем прибраным помещением, чистый стол, чистые окна. А люди, которые это делают, сжигают у нас, а у государства, на таких же

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

В воскресенье, 25 октября, — традиционный День поэзии. В книжных магазинах столицы читатели вновь увидят у прилавков своих любимых поэтов, которые будут вести с москвичами разговор о поэзии, продавать сборники стихов с автографами.

Вместе с московскими литераторами разных поколений в Дне поэзии участвуют поэты Ленинграда, Киева, Смоленска, Калинин, а также члены литературных объединений столичных предприятий и студенты Литературного института Союза писателей СССР.

Этот литературный праздник завершится вечером в Центральном Доме литераторов, который будет транслироваться по телевидению, а также вечером в большой аудитории Политехнического музея. К Дню поэзии в московских издательствах выйдут поэтические сборники.

СПОР ДВУХ ТАЛАНТОВ

ОДИН из них девять лет назад печатал первую повесть и сразу стал лауреатом Сталинской премии. У другого — сравнительно недавно появилось в толстом журнале первое заметное произведение. И все же много общего в туркменском цикле рассказов Юрия Трифонова и в таежных рассказах Юлиана Семенова. Для обоих молодых писателей эти выступления имеют принципиальное значение: Семенов делает первую заявку, Трифонов печатает второе солидное произведение после отнесения долгого молчания (смакательного туркменского цикла дал название вышедшему только что сборнику рассказов Ю. Трифонова «Под солнцем»).

Исправительно говорили: одну книгу может написать кто угодно, — о профессиональном писателе судят по второй книге... Оба автора искали своих героев, свою тему — и нашли ее «под ногами», не в соседней квартире, а в дальних таежных экспедициях, в каракумских песках, там, где трудно, где веловая экзотика уступает место нашим будням.

души, яичин швыряют как попало, кормят не вовремя... Все это написано непринужденно, весело, а за веселостью — как всегда у Трифонова — не сразу, незаметно, проглядывает другое. Слово невзначай обрывается: «он пришел сюда, в пустыню, отдыхать». Люди не свершают подвиги. Они вовсе не думают возвышенно ни о своей работе, ни о пустыне: «обыкновенная земля, где вода воду несут». Люди делают свое дело...

Итак, спор двух талантов. Это добрый спор, спор без проигравших... до тех пор, пока он ведется средствами творческого соревнования. Хуже, когда спорный нарушает это условие и начинает (перепроизводит критика 30-х годов) «доказывать свое право на художество», вместо того чтобы «творить художество». Это случилось с Ю. Семеновым. Доводящееся он — устаревший герой (возвращаясь профессор Цыбенко (он выведен в рассказе «Ал-мас», но так и кажется, что мы где-то уже встречали его — этакое бодрячо-чужеродное). Писатель как бы раздвоился, он глядит на себя со стороны и похваливает собственную манеру. Сначала испробовывает кинофильмы «Летят журавли» и «Дом, в котором я живу» — профессор не нравится, что героиня в них прелюбодивается. Потом идет положительная программа: «Воронов» — это романтика! Я — это романтика! И не смейте, — крикнул Цыбенко! — не смейте порочить мое понятие романтики! Все это немного откладывает konto, но никто на профессора не нападает. И творит счастье не в крахмальных манишках, а в рваных ватниках и вонючих унтах... Так уж обязательно в рваных и вонючих? Это напоминает тех туристов, о которых писал в газете «Советский спорт» обиженные читатели: не затем ли входят туристы в населенные пункты «самом негидрированном виде», чтобы «подчеркнуть трудности пути. свою «бывальность»? Но зачем? Пусть профессор Цыбенко ничего не подчеркивает и не рекламирует, — хорошие рассказы Ю. Семенова убеждают лучше, чем он. И пусть писатели будут хорошие и разные, только...

«Только» относится к слабостям разбираемых произведений. Если их сильные стороны приводят нас к мысли о творческом различии, даже спор художников, то слабости, кажется, идут от одного корня. Материал часто еще сильнее авторов. Его и много, и мало. Он прорывается на страницы, сырой, необработанный. И вдруг — в самом интересном месте — материала не хватает, и появляется конспект. Более опытный Ю. Трифонов изящно выводит из положения: он дает образ рассказчика и превращает дневниковую пестроту своих записок как бы в дополнительное средство убедительности. Ю. Семенов поступает иначе: найдет свою беллетристическую труппу, он старается идти по ней, не сбиваясь с шага даже тогда, когда почва на мигновение уходит из-под ног. Там же, где это не удается, — распространяем нашу метасформу — автор перебирается дальше в автомобиле мальчижеского командарма, то в лодке кемпинговского Старина... Внешнюю однородность стиля эти включения не нарушают, но от них откровенно веет литературщиной.

От разведки до победы лежит немалый путь, но разведка ведется как раз там, где нужно. Вот так же когда-то разведчиками ехали в Среднюю Азию молодые Леонов, Тихонов, Паустовский. Большая литература всегда рождалась на переднем крае. И, может быть, сейчас, наблюдая спор двух молодых, непохожих друг на друга дарований, мы стоим у истоков новых рек завтрашней литературы.

Л. АННИНСКИЙ

На узбекском языке

Сравнительно недавно при Узбекском государственном издательстве художественной литературы была создана редакция литературы стран Востока. Эта редакция осуществила перевод и издание на узбекском языке около 50 книг.

Теперь среди намеченных к изданию произведений выходящих современных китайских писателей Го Мо-жо и Мао Дуня, бессмертные творения Саади «Бустон» и «Гулистан», книги Криванна Чандра, Сабахаттина Али и другие.

ТАШКЕНТ. (Наш корр.).

Между Казбеком и Эльбрусом

НАЛЬЧИК. В первые же часы встречи писателей Северного Кавказа очертились масштабы задуманного мероприятия. Литераторы из Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабарды, Москвы, Ленинграда, Ростова, представители газет и литературных журналов, издателей и Радиокомитета съехались в Кабардино-Балкарскую на выездное бюро правления Союза писателей РСФСР, по существу играющее роль съезда литераторов этой зоны.

Два года назад Л. С. Соболев выдвинул идею «органомата на колесе». Уфа, Ленинград, Смоленск, Свердловск — таков двухлетний «маршрут» выездных заседаний руководства Союза писателей Федерации. И вот — Северный Кавказ. Члены бюро прибыли сюда за несколько дней до заседания и развлеклись по северокавказским городам, чтобы ознакомиться с положением дел в местных союзах писателей. Затем между Казбеком и Эльбрусом, в Нальчике, в зале заседаний Верховного Совета республики началась работа бюро. Потом она переносится в Актювский зал университета, потом — в молодой город Тырма-Ауз, на высоту двух тысяч метров, в горняцкий клуб. Бюро заседало при открытых дверях. По вечерам между заседаниями — поездки по республике: высокогорный аул Шики, рудник «Молбибей», колхоз имени Али Шогенцукова...

Один адыгейский критик остроумно заметил с трибуны, что если бы на бюро вообще не заслушивалось никаких докладов, даже один факт встречи писателей в Нальчике сыграл бы свою стимулирующую роль в жизни северокавказских литераторов. Да, это так. Идея «разъездного» руководства еще сама по себе дает хорошие результаты. Столичные писатели выезжают на места, смотрят, знакомятся, общаются, обмениваются опытом с писателями республики. Понятия «адыгейской» или «балкарской» литературы образуются в их сознании живыми представлениями о писателях, о жизни края. Слова «откровение», «кружоро», «личная дружба» не сходят с их уст. С другой стороны, и для горских писателей приезд московских коллег и организация столь высокого форума — и большой праздник, и большой толчок для работы.

Обрамленное двумя юбилеями — столетием основоположника балкарской литературы Кязима Мечиева и столетием великого Коста Хетагурова, — выездное бюро шло в придонный Настроены. А может быть, знаменитое горское гостеприимство повлияло на настроение участников? (Заметим в скобках, что гостеприимство это дало и маленький переклест: выпущенный в бюро в Нальчике сборник горских писателей открывался фрагментами из старых произведений русских писателей. Многие из которых пришли в Нальчик, хотя во фрагментах этих нет ни слова даже об отрогах Кавказских гор.) Но скорее всего, праздничность создавалась тем, что встреча писателей являлась торжеством интернациональности нашей литературы.

— То, что происходит сейчас здесь, — заявил в своей речи первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. Мальбаев, — знаменует важный этап в жизни северокавказских литераторов. Большая группа писателей разных национальностей пришла к народу решать свои дела — это дает нам право еще раз сказать о том, насколько партия, народная и интернациональная наша литература!

Писательский форум на Северном Кавказе. Семь литератур, множество

павал строки по любому поводу, а создавал произведения великой эпохи (А. Кешокова). Горские писатели пишут много, но написанное бывает далеко от совершенства. Не надо думать, что если в стихах есть комбайны, то можно без души (Адам Шогенцуков). О вреде риторичности в стихах говорил С. Михалков, поставил вопрос о напыщенности и о стилистической чужеродности многих произведений для детей.

— Настоящая и в стихи не перенуты, — размышляет с трибуны Кайбыш Куйшев. — Но есть стихи, поощряющие, как слушать. Иной доказывает, что такие стихи нужны из-за важности тем. Но ведь заметки в газетах тоже бывают на важные темы, однако авторы не собираются выдвигать их за искусство. В поэзии живет сердце. Нет сердца — появляются равнодушие, риторичность и скука.

Нельзя не сказать о том, что подготовка московских литераторов к встрече с писателями Северного Кавказа была далеко не одинаковой. Так, скажем, трудно было понять, в чем опасность «некоего младоореализма», которым некоторые ораторы пугали собравшихся. Разве «младоореализм» свил себе гнездо среди горских писателей? Вызвали недоумение и отдельные места в речи Б. Зубавина. Оратор обнаружил незнакомство с важнейшими высказываниями Горького и Фадеева о социалистическом реализме. А Софронов и в заключительном слове Л. Соболев подтвердил критике эту часть выступления Б. Зубавина.

Пять дней обсуждения поэзии. Л. С. Соболев подводил итоги. Он говорил о той огромной пользе, которую принесла столичным писателям поездка на Северный Кавказ. О том, как много интересно узнали о жизни на заседаниях. О том, что, к сожалению, осталось за пределами разговора: проблемы горской драматургии, рассказы, критика. На такие издержки, видимо, неизбежные на том новом пути, которым движется «правление на колесе». Чем шире состав участников, тем иногда труднее поставить глубокие вопросы специально, тем острее тенденция к разговорному преимущественно эмоциональному. Трудность здесь, видимо, в том, чтобы находить и выносить на обсуждение актуальную для данной литературы, конкретную, острую и интересную проблему, которая вбирала бы в себя весь основной материал.

Задача нелегка, но она будет решена; залог тому — хорошее знание положения дел на местах, знание, возрастающее с каждым новым выездом «правления на колесе».

НАЛЬЧИК. (Наш спецкорр.)

Безусловно, среди рассказов, опубликованных журналом «Знамя» за последнее время, вместе с якими, по-прежнему выделяются «Людьми» Ванды Васильевской, циклы Трифонова и Семенова — самые интересные; и потому, что написаны они талантливо, и еще потому, что с первых строк начинают остро спорить между собой.

«В двухстах километрах от человеческого жилья, на берегу порожистой, скалистой сумары, в поисковой экспедиции геологов начинается действие Ю. Семенова. Начальник партии приказал прекратить поиски алмазов, лелея втайне мысль о скором возвращении в поселок, о свидании с геологом Наташей Рабиной. Но забвуволась поисковая, ослушался приказа. И ушел начальник Горухов в поселок Воронов, соперник, а сердце Наташи Рабиной лишь недавно склонилось к нему. Горухов. Он вернулся в поселок, был назван десертиром и, отирая пот с лица, начал разговаривать с Наташей, которая хотела «своими глазами убедиться», кто прав. Ночью на их костер набрал огромный медведьшаун. Горухов убежал, бросив девушку...

Остановимся пока на этом. Уже можно ловить авторское пристрастие Юлиана Семенова. Его сюжеты остры, связаны с исключительными обстоятельствами, часто ставят героев на грань катастрофы (в последнем, напечатанном в № 9 «Знамени» рассказе Ю. Семенова «изменил» таежной тематике, но остался верен своему пристрастия к сюжетам экстраординарным: он бросил героев в объятия разъяренного океана — «Штурм восьмью баллами»). Герои Семенова — люди цельные, безудержные в своих стремлениях, красивые в подвиге, открытые в слабости. Отсюда и своеобразно заостренная, романтическая, подчас даже экзальтированная манера письма. Семенов не описывает события ровным светом, он не интересуется прошлым своих героев, их судьбой. И люди у него — не объемные фигуры, а белые и черные силуэты при вспышке подвига. Ярко, укрупненно видит мир Юлиан Семенов. Он во всем так. И в пейзаже, где все или необычно («сквозь низкие тучи проглянула многократная ледяная тучка, или многозначительно («Ветер швырял верхушки недр, Тайга гудела токслюно, сердито...»). И даже в подчеркнутой, нарочитой, почти условной лаконичности диалогов:

« — Не пройди там, прораб! — Нужно! — Солпка вплотную к воде подходит! — Нуно! — Кедр в пять обхватов! — Нуно!»

С этого диалога начинается последний цикл рассказов Юлиана Семенова. А вот другое начало: «Сквозь бе-

Соловьи-Разбойники

КОГДА-ТО римские императоры устраивали пируества, где подавались блюда, приготовленные из тысяч соловьиных язычков. С тех пор бедных соловьев нещадно эксплуатировали не только в гастрономии, но и в поэзии. После того как В. Соловьев-Седой и А. Фатьянов написали знаменитое «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» — соловьев в поэзии развелось не меньше, чем кроликов в Австралии.

Все последующие примеры взяты из тоненького сборничка «Лирические песни», только что выпущенного издательством «Советский композитор». Соловей (соловушка, соловейка) встречается в нем 14 раз. Если считать весь тираж в электронную счетную машину, она произведет математический расчет: 14 (соловьев) × 200 000 (экземпляров) = 2 миллиона 800 тысяч соловьев! Такой оглушительный свист не слышался и Соловьи-разбойники.

Еще горшая участь постигла березку. Когда-то русский народ сложил прекрасную песню о том, как во поле березонья стояла. Белоснежно-чистые строки о березках написал Есенин. Но с тех пор березку ободрали, как липку. В нашем сборнике среди 55 песен «березка» встречается 30 раз! Обратимся опять к счетной машине: 30 (березок) × 200 000 (экземпляров) = 6 миллионов березок.

Целая лесополоса. Мы не против березок в поэзии,

лишь бы эта вечная тема русской лирики расцветала по-новому. Но как образна березовая лесополоса, населенная соловьями! Какие усилия нужны, чтобы втиснуть в одну песню полный комплект реквизита:

Пойдем, любимая моя,
Березкой полюбуемся.
Стоит береза на бурге
И кажется невестою,
А соловейка на заре
Поет ей песнь известную (!)

(В. Харитонов. «Весной»)

Летней почкой за рекою
Соловей не знал покоя.
...Но соловьиным трели
Вместе с птицей улетели.
...И березка у дорожки,
Разделая в сердечки...

(Р. Родственский. «О любви»)

Березы, березы,
Родные березы не спят.
(В. Лазарев. «Березы»)

Расставались они под березкою...
(В. Малков. «Березка»)

Может, лучше прожить незамеченной,
В соловьиные ночи проспать...
(А. Фатьянов. «В соловьиной ночи»)

Та сердцу, как напев соловья...
(Г. Регистан. «Песня о любви»)

Давайте называть вещи своими именами. Если это писали поэты, консервативные люди, воспитанные на перлах дореволюционной «Ницше», — как же могут быть претензии? Если потомки Никифора Ляписа, автора незабвенного «Гарилья», — тоже все понятно. Но молодой, жизнерадостный поэт Роберт Родственский, автор поэмы «Спутник», — он же лесенкой пишет, он на традициях Маяковского воспитан... Как же он позволяет себе в век спутника писать то, что и сто лет назад считалось банальностью, — все эти «летние ночи», «соловьишки», «трели — улетели», «чудные песни», «ночи — девичьи очи», «только мы с тобой мол-

чали, ни словечка не сказали»? Почему хорошие стихи он печатает 10-тысячным тиражом, а халтурные — тиражом в 200 тысяч?

Как известно, русская поэзия славится богатством рифмы. Русские глаголы и существительные переливаются всеми оттенками окончаний. Шесть падежей — как шесть граней алмаза.

Но алмазные рифмы в наших песнях мало. Зато есть 6 закодированных кругов, в которых вращается фантазия авторов, боясь переступить заветную черту. За ней мерещится Вий формализма... Но разве круг «морских рифм» — «морю — в дозоре — горы — скоро — воротит — зорям — просторе» — это не худший вид формализма? В помощь начинающему писателю можно предложить и остальные круги. Вот «речной круг»: «вола — волна — струна — сторона — одна — дна — видна — слышна». «Шумит волна, звенит струна...» (В. Малков). Солдатский круг: «Привал — наповал — видал — бывал — воювал — сценал — устал».

Игривый круг: «Паренек — оюнек — пенек — денек — вечерок — упрек — навейлик — всилек — мотылек». Эх, зажег паренек в сердце огонек. Ну, а мне невдомек, Что я — Василек. (А. Жаров)

Философский круг: «Завещанья — обещанья — ожиданья — прощанья — расстанья — до свиданья». Свиданья, ожиданья, Прощанья, обещанья, Прощанья, свиданья, Прощанья, обещанья, Прощанья, свиданья, Прощанья, обещанья, Прощанья, свиданья. (Е. Долматовский)

Романтичный круг: «Лети — в пути — иди — обойти — прийти — войди — найди — свет!».

И какую силу, ой, родная, Кончики ресниц твоих струят? «Соловьи» и «березки», «паренек» и «огонек» — это, так сказать, грубые штампы. А есть и потоньше, с психологией... Счастливое открытие Михаила Исаковского — «Что ж ты брешь каждую ночь одиноко, что ж ты деушкам спать не даешь? — превратилось в руках эпитонгов в разную монету. Бодрые явления героев, что они не спят до утра (до зореньки, до рассвета), встречается в сборнике 17 раз. Блестные, ослепительные герои с воспаленными от бессонницы глазами бродят по коридорам издательства «Советский композитор»:

...остается подушке несмятой,
Не прилежь, не усну до утра.
(А. Фатьянов)

Мне не спать сегодня до утра...
(Л. Давидович и В. Драгуцкий)

Раскажешь, как ночи напролет,
Летом и зимой, без сна...
(В. Орлов)

Нам по ночам не до сна.
(Н. Доризо)

Я могу в ожиданье свиданья
До зари простоять под окном.
(В. Харитонов)

Да занимаются ли вообще они общественно полезным трудом? Как удаётся героям Фатьянова придти к работе к девяти, если в другой песне — несмятая подушка, в другой — «не знаю больше сна я, мечту свою храню», в третьей —

И хожу я до рассвета,
Чтобы встретиться с ним вновь...
А, возможно, чувство это
Называется любовью!
Что касается чувства, возникающего после прочтения всего сборника, то оно называется обидой. Обида за советскую песню, которую создавали Николай Асеев и Михаил Исаковский, Василий Лебедев-Кумач и Михаил Светлов. Обида за прекрасную музыку, которую часто портят нечеловеческие слова.

Сергей КАЛАШНИКОВ

ЖИТЬ ПРИ СВЕТЕ СОЛНЦА И НИЧЕГО НЕ БОЯТЬСЯ

На Западе сенсации живут недолго. Любое, самое крупное политическое событие очень быстро сходит со страниц буржуазной печати: его вытесняют свежие новости. Но никакие обычные мерки не применимы к визиту Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты. Прошло больше трех недель с тех пор, как Никита Сергеевич вернулся на Родину, а этот исторический визит продолжает оставаться главным «событием дня». Газеты и журналы различных политических направлений в Соединенных Штатах, в Англии, во Франции, в Западной Германии, в Италии — во всех странах мира — публикуют отклики, письма читателей, посвященные этому важнейшему событию. Мы публикуем ниже некоторые из таких материалов.

АМЕРИКА ОТКРЫЛА СССР

«Поездка Хрущева ма значителен. Помимо увенчалась для него обязательства урегулировать все спорные вопросы путем переговоров, а не с помощью силы, которое он создал, что выиграла партию: один против всех он добился замечательного достижения, сумев склонить на свою сторону американское общественное мнение... В политическом и психологическом отношениях достигнутый прогресс весьма значителен».

Французский еженедельник «Экспресс»

Стыдно; сержант Суэйцки!

«Можете вы представлять себе меня десять обычных солдат. Я всех их убью. Это заявление принадлежит американскому сержанту Суэйцки. Поиском Суэйцки — бравады американского сержанта, рекламирующего себя и свой французский журнал «Парижская атака» как «солдатской атомной эры», как сообщает журнал «Суэйцки» любезно согласился позировать для фото, воспроизведи и с него нами.»

«Вот оснащение американского пехотинца времен атомной войны, — пишет «Парижская атака». Маскировочный комбинезон, бронированный жилет, антирадиационные маска и перчатки, легкая пластмассовая каска с радиопередатчиком. На каске — специальный выключатель с установкой для инфракрасных лучей: он позволяет целиться в противника в темноте, а также сквозь взрывное облако. В патронажах — ультраскоростные пули для автомата М-14. Пехотинец будет носить на спине невидимую на фото ракету, которая позволит ему совершить 20-метровые прыжки.»

Каждый, конечно, хочет радиться во что ему угодно и даже скакать наподобие австралийского кенгуру. Однако те, кто сейчас вырывает сержанта Суэйцки и для устрашения демонстрирует его миру, делают недоброе дело. Разве не поступил этот сержантительный маскарад и кровавые заявления сейчас, когда люди мечтают о полном и всеобщем разоружении, об избавлении человечества от войны?

Слова против ТЕМЫ

«Я НЕНАВИЖУ природу так же, как я ненавижу классиков.»

«Я не питаю никакого интереса к жизни масс...»

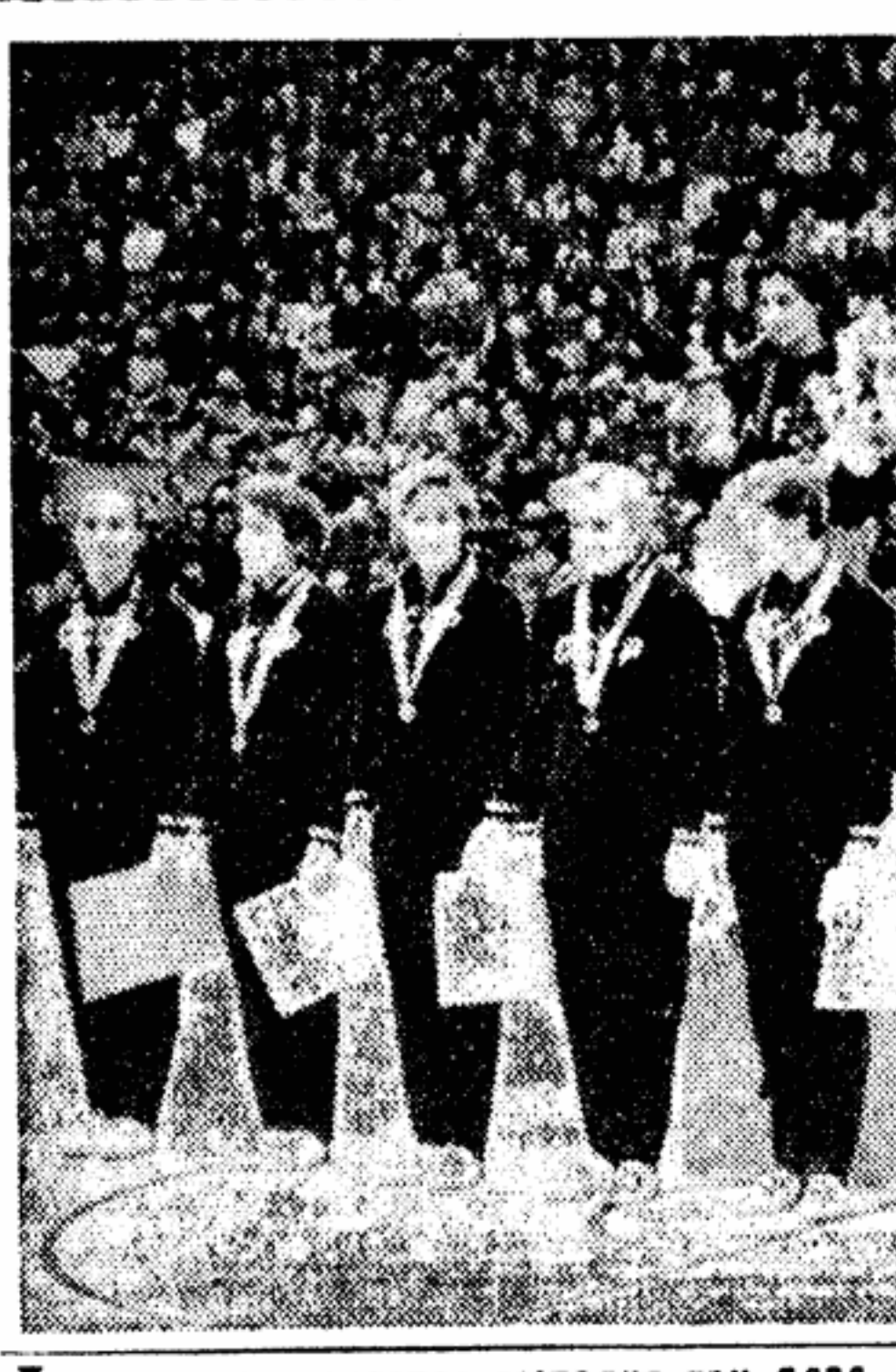
«Я верю и надеюсь, что весь цивилизованный мир будет стерт с земли в течение ближайших столетий...»

«Это — не выдержки из записок сумасшедшего, а дословно переведенные нами цитаты из автобиографического очерка американского писателя Генри Миллера, ставшего себе на Западе скандальной известностью открытой непристойностью своих произведений.»

Мы заинтересовались «символом веры» этого писателя потому, что недавно он оказался на сканье подсудимым. Собственно говоря, не он сам, а одно из его произведений, книга «Сексус», проникшая и в Норвегию. Ознакомившись с этим творением, написанным в свойственной Миллеру мистико-порнографической манере, Верховный суд Норвегии вынес решение, в котором говорится: «Генри Миллер — враг общества и раститель молодежи.»

В справедливости этого суждения не приходится сомневаться, достаточно хотя бы еще раз прочесть «заповеди» Миллера, которыми мы начали нашу заметку. Человеку, исповедующему такие социальные «взгляды» и к тому же зараженному извращенной эротикой, так же опасно давать в руки перо и бумагу, как надевать бытию помещанского топором или дубиной.

Однако у Миллера нашлись защитники

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

ВСЕ МИР ПРИВЕТСТВУЕТ ИТОГИ ВИЗИТА Н. С. ХРУЩЕВА

АМЕРИКАНЦЫ ПОЛЮБИЛИ ХРУЩЕВА

«Он (Н. С. Хрущев. — Ред.), судя по всему, является такого рода человеком, по отношению к которому американцы инстинктивно питают теплые чувства: говорящий без обиняков, но, видимо, добросердечный, далекий от дипломатических тонкостей, лидер, который совершенно очевидно вышел из народа, руководимого им. Ему присущи многие из тех качеств, которые по мнению американских избирателей, были характерны для г-на Эйзенхауэра в 1952 году... Он прибыл в Соединенные Штаты как абстрактное понятие; он ухаживал как живой человек.»

Английский журнал «Экономист»

ДА СГИНУТ СТРАХИ!

«Если нам придется бежать в укрытия, которые будут защищать нас от атомного нападения, мы будем очень похожи на челядь и устрицу. Эти создания не имеют иного выбора, как полагаться на свою защитную броню... Если же мы обратим лишь небольшую часть энергии и сказочных богатств, которые мы тратим сейчас на вооружения, на примирение разногласий и достижение искреннего понимания и взаимного уважения среди народов и государств, не будет никакой нужды для нас угодливыми черепаха и устрица. Мы сможем жить на солнечном свете, ничего не боясь.»

Якоб Дж. ЛИБСОН
Американская газета «Нью-Йорк таймс»

ТО, О ЧЕМ МЫ МЕЧТАЕМ

«Разоружение — это действительно то, о чем мы все мечтаем. Мир мог бы прекрасно обойтись без генеральных штабов. Если бы на деньги, которые выделываются на вооружение, строили бы жилища и помогали людям в мало-развитых странах, — это было бы благодетельно...»

Ф. С.
Австрийская газета «Арбайтер-цейтунг»

«ЛУННЫЙ РОМАНТИЗМ»

Эльза ТРИОЛЕ,
французская писательница

В НАЧАЛЕ XIX века академизм и классицизм отступили перед новым литературным движением — романтизмом. Родился романтизм, в котором факты реальной жизни связаны с творческим воображением. Я имею в виду именно романтизм — боевое литературное движение, литературу, которая говорит о новом поном, а не романтику в разговорном смысле слова — фантастичности и мечтательности. За романтизм, за право отступления, ухода от привычной формы и привычного содержания писатели XIX века жестоко дрались.

Когда в реальной жизни произошел такой переворот, как Октябрьская революция, родился новый революционный романтизм, в авангарде которого шли Маяковский, Вишневский, «молодая гвардия»...

«Теперь, когда советские ученые проникли в переднюю космоса и мир стали перед нами в других масштабах, не появится ли в литературе новый, так сказать, «лунный романтизм»? Под «лунным романтизмом» я не подразумеваю прямую связь между космическими ракетами и рождающимися сегодня романами, стихами. Но, принимая во внимание, что человек вообще и творческий человек, в частности, меняется в зависимости от реальной жизни, мне кажется, что постепенное завоевание космоса должно породить новый романтизм, то есть новое творческое воображение, помноженное на новые реальные факты.

Мне часто приходится отвечать на вопросы: «Что вы думаете о социалистическом реализме? Отчего вы пользуетесь методом социалистического реализма?» Это происходит, должно быть, потому, что мое миропонимание выражается в моих произведениях. В книгах верующего католика выражается его мировоззрение, в моих — мое. Писатель и его произведения составляют единое целое. Я вижу это к тому, что социалистическая точка зрения на реальные факты плюс творческое воображение, без которого немислюмо ху-

доженственное произведение, — это и есть новый романтизм — боевое литературное движение.

«То, что советские ученые открыли дорогу в межпланетные пространства, сразу отразилось на нашей земной жизни, дало нам новые данные, новые взаимоотношения. И приходится напоминать себе о том, что земные будни и нравственная личная жизнь, каждодневный труд и забота о хлебе насущном, война — все идет своим чередом.

Ученые представляют мне людьми особой категории — они не похожи на подмастерье колдуна, который вызвал духов, но не смел с ними справиться. А человек? Доросло ли человечество до человеческих достижений? Не стоит оговаривать того, что люди боятся разных. Это и так понятно. Я не имею в виду наличие человеческого брака, бракованных душ, людей, которые стоят на голове и ходят на руках, хотя они не так задуманы, — это неправильно и оттого неудобно.

«Лунник» — так неожиданно нежно называют французские советские космические ракеты. «Лунник» у всех на глазах попадает в Луну, как в мишень... А земная жизнь идет своим чередом... Идет война, говорят, что пытка превратилась в массовое явление, говорят, что пытка поручается обыкновенным людям, ничем к такой «действительности» не подготовленным... Людям, которые любят своих жен и детей, искусство, хорошую погоду. А ведь это поколение росло, когда ужас и возмущение перед открывшейся правдой концлагерей потрясли человечество! И вот оказалось, что нацистская зараза сильнее противоядия и что пытка людей вошло в привычку. Люди, наоборот, как будто действительно «обвыкли», и когда их назначают на это дело, то они не хотят или не смеют отказаться, хотя бы оттого, что не хотят выделяться, обращать на себя внимание!

«А в это время «Лунник» огibtает Луну и смотрит на ее скругилую от нас сторону. В обыкновенной человеческой голове должны ужиться восторг от проникновения в межпланетное пространство и стыд за бракованные души. Стыд может быть бесконечным, как пространство.

«Вот если бы человек догадал самого себя, догадал и перегадал! Людям дела сейчас некогда мечтать о том, каков будет человек будущего. Они хлопчат о том, чтобы сохранить человечество от гибели. Нужно, чтобы сегодня, сейчас же, пересел бы на стороне людей, хотя бы просто здоровомыслящих. А люди тем временем живнут, как будто они бессмертны. Любительные, любознательные, они заглядывают в космос.

Какой будет человек в будущем, близком, далеком? Сначала ему, должно быть, придется привыкнуть к новому в настоящем. Это можно себе представить, это не за горами. Но в далеком будущем возможные изменения в человеке могут привести в смутление... Мне приходится уже говорить о книге такого ученого, как Шарль-Ноль Мартен, — «Двадцать чувств человека перед неведомым». Описанные в ней наблюдения над спсобами общения между однородными животными — рыбами, летучими мышами, муравьями — ушат нас, людей, скромности. Смешно и фантастично то, что для ворон, например, существует даже «иностранные языки» и что европейские вороны, прекрасно «понимают» друг друга, американских ворон не понимают! Но вот чем кончается глава «Терминология», в которой утверждается несостоятельность имеющихся у нас в запасе слов, бессильных выразить все то, чем человек обогащается всякими и тысячекратно: «Человек создал для себя особый род мышления, он думает, что язык дал ему свободу, является необычайным духовным двига-

«ЗЕЛЕНАЯ ТЕТРАДЬ» ЛЕЖИТ ПЕРЕД НАМИ

Начинаешь читать, — и кажется, будто сквозь строки проступает кровь замученных жертв... История ее такова. «Зеленая тетрадь» была составлена в городе Алжире. В начале августа в столицу Алжира приехал защитник замечательной алжирской патриотки Джамили Бухрид, адвокат Жак Вержес. Весть его приезде мгновенно разнеслась по городу. К защитнику Джамили сначала десетки, а затем сотнями устремились алжирские женщины — жены, матери, сестры арестованных патриотов. Их близкие были схвачены французскими властями, без суда и следствия заточены в тюрьму, потом... «пропали без вести». В бесплодных поисках тянулись месяцы, годы, а арестованные не возвращались. И сотни измученных женщин столпились у входа в гостиницу, где вел адвокатский прием Жак Вержес... Прем шел всего четыре дня. На пятый день французские военные власти распространили с самим адвокатом. Жак Вержес был выслан из Алжира якобы «за посягательство на общественный

ЛЮДИ ИСЧЕЗАЮТ В АЛЖИРЕ...

КРОВАВЫЕ СТРАНИЦЫ «ЗЕЛЕНОЙ ТЕТРАДИ»

«Тогда его коллега Мишель Завриан самостоятельно продолжал регистрацию жалоб, но и ему также пришлось покинуть Алжир.»

«Так появилась на свет «Зеленая тетрадь». В скупой, предельно лаконичной форме сюда занесены данные о ста пятидесяти «исчезнувших» алжирцах.

Отныне эти данные преданы гласности. «Зеленая тетрадь» находится в Международной организации Красного Креста. Она опубликована полностью в парижском журнале «Тан Модерн». Посылая «Зеленую тетрадь» председателю Международной организации Красного Креста, Жак Вержес и Мишель Завриан пишут:

«Господин председатель, мы имеем честь представить Вам для начала сто пятьдесят дел об исчезновении людей в Алжире... Все эти дела ужасающе похожи одно на другое. Среди ночи являются солдаты, хватают отца семейства, иногда сына или же мужа и уводят их по пустынным улицам, навстречу неизвестной судьбе.»

«Женщина обходит все инстанции: она бежит в командование алжирского военного округа, в штаб десятой дивизии, генерал-губернаторство, префектуру, трибунал... Нигде ей ничего не отвечают, не успокаивают ее тревоги. Она безостановочно бродит вокруг страшных мест, одно название которых давно вызвало в ней ужас: около виллы Зуини, аллеи Дежурье, Ля Корниш, центра Бени-Мессу. В одном из них страдала Джамила Бухрид. В другом «застрелился» Бен Мхиди; у него были связаны руки, однако пуля поразила его в самое сердце. В третьем «покончил с собой» Айсат Идир.

«Ей удается увидеть мужа, когда он проходит мимо одного из окон: лицо его сильно распухло. Издали она видит сына: он стоит, прита обожженной руке. Она видит своего отца: хромая, он поднимается по лестнице. Останки солдат передает ей письмо. И вдруг отец, муж или сын исчезают. Солдаты встречают ее грубой бранью и гонят прочь. С тех пор тревога не оставляет ее...»

«Вот первая книга, полная кровя. К сожалению, за ней последуют другие...»

Один за другим мы читаем страшные в своем лаконизме рассказы о том, как исчезали люди. Среди них — рабочие, служащие, мелкие торговцы, врачи, инженеры. Пятнадцатилетние юноши и шестидесятилетние старики. Большинство из них попали в руки французских парашютистов или полиции еще в 1957 году. О многих впоследствии сообщили семьям, что они «были освобождены в тот же день». Но никто больше никогда не видел их. Люди исчезли!

«И по сей день люди исчезают в Алжире. Один из них мертвы, другие — в тюрьмах. До сих пор томится в заточении и славная героиня алжирского народа Джамила Бухрид.»

Французские демократы беспощадно клеймят колониальный произвол в Алжире. «Это один из аспектов так называемого «умиротворения» и «присутствия Франции» в Алжире, — пишет газета «Юманите». — Кровавая книга алжирской войны закроется лишь в тот день, когда прекратится война.»

С. ТАРХАНОВА

Превосходные члены общества

и покровители, любезно предоставившие мне страницы газеты для отпора «несправедливым» норвежским судьям. Обвиняемого взял под свое крылышко парижский еженедельник «Ар». С недавних пор этот реакционный орган печати завел у себя постоянную рубрику, громко именуемую «Сознание и совесть Запада.»

«Мы публикуем здесь каждую неделю, — говорится в примечании от редакции, — статьи, репортажи и заметки, где ставятся проблемы нашей цивилизации. В этом разделе и представлено место пространно открытому письму Генри Миллера и его норвежским судьям. Какие же «проблемы цивилизации» затрагиваются и развиваются в этом документе?»

Генри Миллер не защищает своих произведений. Он мягко называет их «спорными» и написанными языком, которого «не должны знать девушки». Но он тщится доказать, что всякая бы мерзопаченная продукция ни выходила из-под его пера, ае должны считать его напорядочнейшим человеком, ибо личность автора и его творения есть, дескать, вещи между собой не связанные.

«В глазах моей жены, моих детей, моих соседей я — превосходный член общества. Это может показаться забавным, не правда ли? — самоодовольно восклицает он, слогая себя всякою ответственности за тлетворное влияние фабрикуемого им чтива.»

«Вот вам и «совесть», и «сознание» Запада!»

В достаточной мере набравшись наглости, Миллер начинает развивать в своем письме своеобразную теорию «мо-

ральной относительности». «Мы все в одном мешке, — проповедует он, — все виноваты или все невинны в зависимости от того, принять ли точку зрения лягушки или олимпийских богов.» Первое несравненно ближе сердцу автора, так как в этом же письме он не преминул похваляться тем, что до шестидесяти семи лет не держал в руках ни «Илиады», ни «Одиссею».

«Во всей «защитительной речи» Генри Миллера во внимание, пожалуй, может быть принято только его заявление: «Не я первый.» Что верно, то верно. «Не я и последний.» — мог бы он добавить, ссылаясь хотя бы на напечатанную у другой странице «Ар» рецензию критика Матте Галени на шесть новых книг французских писательниц. Автор заглавил ее «Не советую читать девушкам» и расположил разбиваемые им романы в порядке от наиболее скромного к наиболее смелому. Пальма первенства принадлежит здесь роману Лиз Деарм «Оставь меня в покое», описывающую любовные похождения четырнадцатилетней героини. И совсем в том Миллеру критик советует читателям этой порнографической страны «восхищаться или возмущаться в зависимости от степени их собственной добродетели».

Мы хотели было закончить нашу заметку некоторыми вопросами, обращенными к редакторам «Ар». Но не делаем этого, так как уверены, что «в глазах их жена, детей и соседей они превосходные члены общества.»

Н. СТЕПАНОВ

Турнир претендентов

ИСТОРИИ известны случаи, когда вдруг появляется шахматная звезда первой величины и почти как по мановению волшебной палочки, все до того известные шахматисты теряют фиаско. Так было с Паулем Морфи, Эмануилом Ласкером, Хосе Раулем Капабланкой.

Казаюсь бы, мир не может подарить большее чудо, чем капабланковский часовой механизм — так называли точную игру кубинца. Но люди дерзуют, вперед вперд. В первом же матче после шестилетнего царствования Капабланка был свергнут гениальным русским шахматистом Александром Алехиным — единственным шахматистом, который так и остался неразвенчанным чемпионом.

Методично и последовательно рос как шахматист нынешний чемпион мира Михаил Ботвинник. В 14 лет, будучи первоурядником, он в сеансе победы чемпионша мира Капабланку в 16 лет стал мастером и в 22 года вышел на международную арену «дуо и говорит» с каждым годом в шахматах все труднее становится добиваться высшего титула, слишком становится конкуренция. Если 60 лет тому назад в мире было четыре-пять сильных шахматистов, а 30 лет тому назад их стало вдвое больше, то теперь по меньшей мере полсотни гроссмейстеров и сильнейших мастеров могут «подкрасаться» к шахматному трону. Но пробиться к «чистилищу», которое определяет претендента на звание чемпиона мира, стало чрезвычайно трудно. Достаточно сказать, что

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ потерпели поражение в этой борьбе такие сильчаи, как опытный Д. Бронштейн, совсем юный Б. Спасский, М. Тайманов, Е. Геллер, Л. Сабро, В. Ларсен и другие.

«Вот уже 44 дня идет битва между сильнейшими из сильнейших. Все восемь участников явились на первый тур, конечно, с одним желанием — победить, чтобы ты не стало победить. Среди них — представитель маленькой Исландии Ф. Олфассон, американцы П. Бенко и самый молодой гроссмейстер мира Р. Фишер. Может быть, эта троица мечтала о матче с Ботвинником еще робко, но остальные пятерка имела право говорить полным голосом. У В. Смыслова, П. Кереса, Т. Петросяна, М. Талая и С. Глигорича за плечами большие успехи.»

«Прошедшие дни борьбы прошли, наконец, свет на возможные итоги турнира. Смыслов настолько неудачно провел первую половину, что дальнейшие даже героические усилия не помогут ему выписать в актив третью победу в турнире претендентов.»

«Хороши дела в этом составлении были у Т. Петросяна и С. Глигорича, но оба не выдержали напряжения в середине соревнования.»

«Только два боя, по существу, продолжают упорно и настойчиво бороться за то, чтобы через несколько месяцев сесть за доску против М. Ботвинника. Один из них — 43-летний П. Керес. Конечно, когда за сорок, труднее становится бороться. Но примеры шахматного долголетия в истории известны, и у Кереса есть надежды на успех.»

«Когда советская четверка гроссмейстеров уезжала на нынешний турнир претендентов, у многих было сомнение в успехе молодого рижанина. Перед самым отъездом ему пришлось перенести хотя и несложную, но все же хирургическую операцию. Но Таль молод, и здоровье его не подало. Несомненно, что именно он задал тон всему турниру, своей неутомимой энергией заставил остальных участников отбросить осторожную тактику, которая так долго давала успех многим турнирам последних лет. Теперь, когда началась уже последний круг, ясно, что только необычайное напряжение может помочь Кересу догнать лидера.»

«Таль — опасный и коварный противник. Каж-дому, кто садится с ним за доску, не может быть спокоев ни одной минуты. Мы и сейчас вправе говорить о Тале, как о необычайном шахматисте. Возьмем эту скромную формулу и не будем падали на эпитеты, которыми пестрят западные газеты. Так, английский мастер Г. Голембек, главный судья турнира претендентов, в одной из газет написал, что Таль — гениальный шахматист. Мы, советские люди, более скромны в оценке наших соотечественников. Но то, что Таль завоевал своей игрой большую популярность, у советской общественности не вызывает сомнения. Полтора очка, которые он захватил сейчас Кересу, чтобы догнать своего молодого соперника, дают большое основание предполагать, что противником Ботвинника станет 23-летний Таль.»

«Ждать осталось недолго. Для Талая и Кереса настает решающие дни. Возможно, что судьбу решит их личная встреча в третьем туре.»

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

Блестящей победой советских спортсменок закончилась 18 октября чемпионат мира по баскетболу. Команда СССР завоевала почетное звание чемпиона мира.

«Вот они, победительницы, вместе с тренерами стоят в почетном строю.»

Мы сообща достигли цели. У нас заслуг не отобрать. Вы — побеждали. Мы — «болели». Вам помогая побеждать.

60 лет тому назад в мире было четыре-пять сильных шахматистов, а 30 лет тому назад их стало вдвое больше, то теперь по меньшей мере полсотни гроссмейстеров и сильнейших мастеров могут «подкрасаться» к шахматному трону. Но пробиться к «чистилищу», которое определяет претендента на звание чемпиона мира, стало чрезвычайно трудно. Достаточно сказать, что

Главный редактор С. С. Смирнов.
Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЬЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СОЛУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.